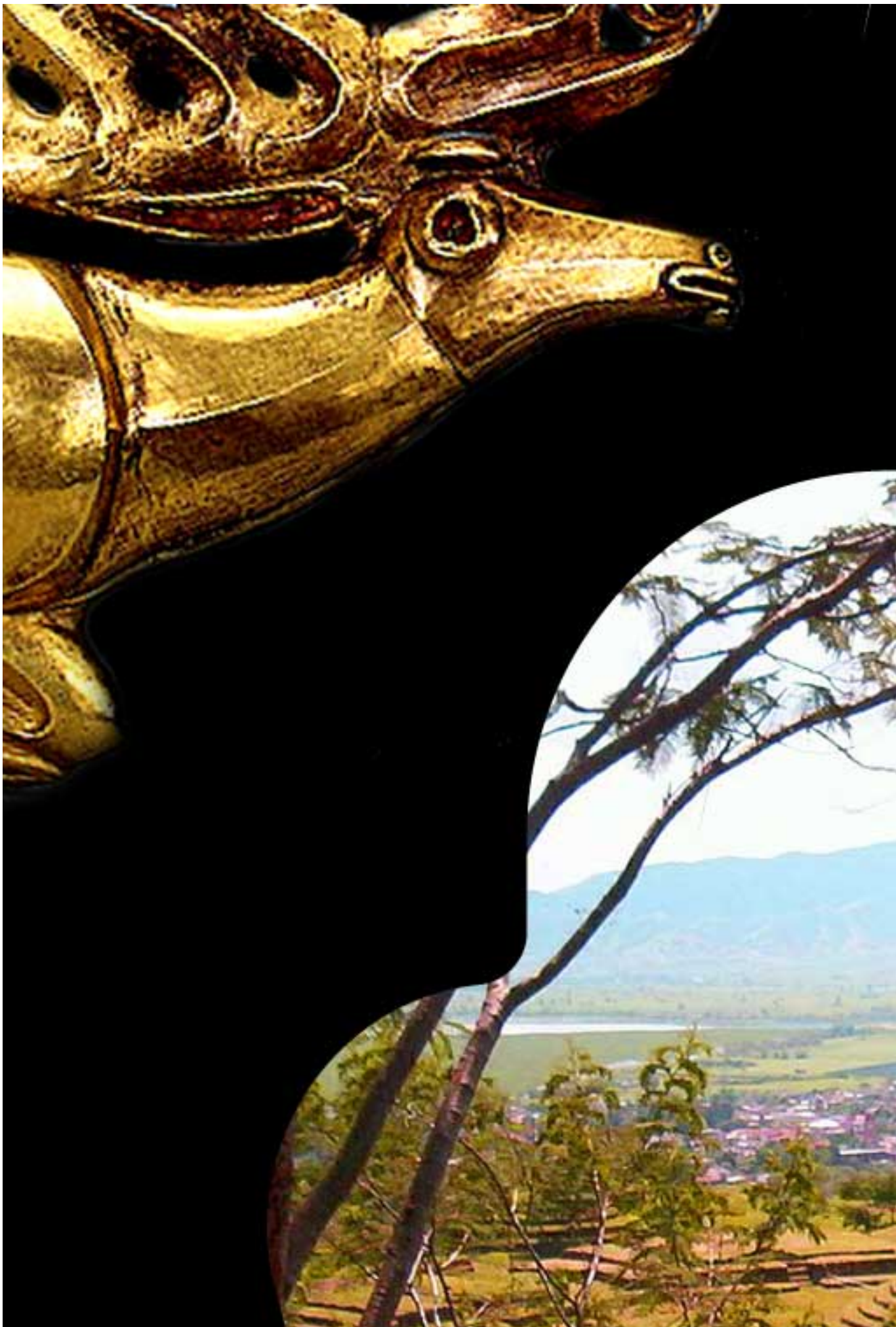

Ирина Цветкова
Скифская пектораль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=16900100

Аннотация

Журналисту и писателю Владимиру Боброву уже давно не терпится написать роман о золотой пекторали – сокровище с кургана Толстая Могила. Но сначала ему нужно уладить кое-какие дела в Лондоне, куда он и направляется на встречу с родной сестрой Татьяной. Однако оказывается, что Татьяна попала в ужасную историю – в ее квартире убита девушка Кэт, о которой Владимир знает только из писем сестры. Желая помочь Татьяне, Бобров начинает собственное расследование, которое приводит его в старинный замок Норфолков, принадлежащий древнему роду лондонских аристократов. Совершенно случайно в подвале замка журналист находит золотую пектораль… Детективно-приключенческий роман «Скифская пектораль» Ирины Цветковой захватывает с первых строк, а интрига заставляет читателя забывать об окружающем мире.

Содержание

ПРОЛОГ 4
Глава 1 8
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Ирина Цветкова
СКИФСКАЯ ПЕКТОРАЛЬ

ПРОЛОГ

Лорд Норфолк давно ждал этого дня, но не знал, что всё будет именно так. Он не думал, что будет ходить целую ночь из угла в угол в своем кабинете, слушая грозу за окном и в нетерпении ожидая известий со второго этажа. Там, на втором этаже старинного родового замка Норфолков, появлялся на свет его сын. Вернее, он вот-вот должен был появиться, но там что-то затягивалось. Лорд Норфолк искоса поглядывал на ящик с шампанским, которым он заблаговременно запасся для этого события. Сегодня шампанское будет литься рекой. Все, кто находится в этих стенах, даже прислуга, будут отмечать вместе с ним рождение сына. Это великое событие – появление новой ветви лордов Норфолков – должно быть встречено с соответствующей помпезностью. Норфолки покинули Лондон и вернулись в свое родовое гнездо, хотя давно уже сложилось так, что бывали они тут лишь раз в году – на Рождество. Юный Норфолк должен увидеть свет именно здесь, где прожили свой век все поколения династии Норфолков.

Гром ударил с новой силой, и лорд, очнувшись от воспоминаний, подумал о том, что «это» слишком долго продолжается. А гроза не утихала. Молнии освещали кабинет Норфолка так, что не нужен был электрический свет. Окна словно поливали снаружи из брандспойта.

«Когда сын подрастет, я расскажу ему, какая гроза была в эту ночь», – подумал он. А может, эта ночная гроза – какой-то знак, символ чего-то еще неведомого? Да, когда впервые становишься отцом, всё почему-то имеет особый смысл, всё кажется необычным, всему придаешь значение и всё связываешь с единственным утверждением: твой ребенок будет особенным. А уж если впервые становишься отцом к сорока годам, когда уже седина в бакенбардах пробивается, то и вовсе трепетно смотришь на это событие.

Лорд окинул взглядом тома своей библиотеки: все эти знания, накопленные человечеством – для тебя, мой мальчик. На сотнях полок выстроились книжки в безупречном порядке. «Ты еще не родился, мой сын, а тебя уже ждут. Тебя ждут поколения Норфолков, уже ушедшие в землю, но оставившие тебе всё: этот замок, библиотеку, картины, да и много еще чего другого, но самое главное – своё доброе имя, которое и ты будешь носить. Они ничего не знали о тебе, но готовились к тому, что ты однажды придёшь, и потому оставили тебе в дар всё то, чем владела веками династия Норфолков. Я ещё расскажу тебе, сын, о твоих великих предках. Ты можешь гордиться своими предками, их славной историей. Тебе не придётся краснеть за них. Но помни: ты примешь эстафету из прошлого и понесёшь её в будущее…»

Новый удар грома сотряс ночь. Лорд подошел к окну, но кроме льющейся сверху воды ничего не увидел. «Я подарю тебе этот мир, малыш. И это прекрасно, что мы вместе с тобой будем в этом мире. Я помогу тебе познать его, – он покрутил огромный глобус, – тебе так много предстоит познать».

А со второго этажа по-прежнему никто не приносил долгожданной вести. Доктор Уотсон, который приехал вместе с ними из Лондона и жил здесь уже несколько дней, предупреждал, что «это» быстро не происходит.

– Не думайте, что стать отцом просто, – посмеивался он. – Вы должны помучаться, пожалуй, поболе, нежели леди Норфолк. И чем больше вам придется попереживать в эти минуты, тем дороже станет вам маленькое существо.

«Что ж, наверное, я начинаю паниковать без причины. Всё идет своим чередом, просто ожидание – жуткая вещь, время еле тянется и потому кажется, что всё происходит невероятно долго».

Для леди Норфолк время тоже тянулось медленно. Она чётко знала, что только появление сына способно растопить ледок, образовавшийся между супругами. Она давно поняла, что холод в их отношениях не может исчезнуть просто потому, что они – разные люди. Наверное, им не стоило быть вместе. Но раз уж судьба соединила их, то нужно искать ключик к сердцу мужа, а был этим золотым ключиком долгожданный сын, которого оба с нетерпением ждали, каждый по-своему. Тогда она, Нора, стала бы для своего мужа не просто леди Норфолк, а матерью его сына, что значительно сблизило их общими заботами и общими радостями.

А как всё хорошо начиналось в её жизни! Она оказалась из тех везунчиков, которые на старте вытаскивают счастливый лотерейный билет. Или нет, наоборот, она была тем лотерейным билетом, который вытащил в ее родном Йорке молодой приезжий режиссёр. К очередному юбилею Шекспира он ставил «Ромео и Джульетту». Его режиссёрский взгляд на пьесу был таков: юных, неискушённых в любви Ромео и Джульетту должны играть не профессиональные артисты, научившиеся лгать и на сцене и в жизни, а такие же юные и неискушённые. Они должны идти не от артистического опыта, а по наитию.

Режиссер пересмотрел тысячи школьников, в результате чего Нора получила роль Джульетты. Успех был оглушительным! О постановке писала вся столичная пресса. В 14 лет она уже давала автографы и старательно отвечала на вопросы репортеров. Будущее было предопределено. Огни рампы над сценой, цветы, аплодисменты, поклонники – все это закрутилось, словно в калейдоскопе. Нора играла все премьеры, все главные роли были её, она была лучшей и знала об этом. Она берегла себя для сцены, не курила, не брала в рот спиртного, о замужестве и не помышляла. Она всё время готовила себя к ещё большему триумфу, ей казалось, что она способна покорить мир своим талантом. Она жила тем, что главный театральный успех – впереди, что лучшая роль ещё не сыграна, что она ещё потрясёт зрителей новыми находками. И вдруг в один прекрасный день Нора поняла, что она уже не Джульетта. Джульетту играют другие девочки, совсем молоденькие. В этот день Нора сидела в своей гримерной, смотрела на себя в зеркало и видела в нем уставшую женщину с печальными глазами. И глядя на эту женщину в зеркале, Нора поняла, что она всего лишь актриса провинциального театра – и не более того. И ещё она поняла, что этой уставшей женщине уже не ждать принца на белом коне – пока она упивалась своим сценическим успехом, все принцы проехали мимо. Вот так, за один вечер, рушится жизнь, так проваливаются в тартарары все мечты, так уходит земля из-под ног, так понимаешь никчёмность своего существования и задаёшь себе вопрос: а зачем всё это было нужно? Снова и снова Нора вспоминала себя на сцене, потом смотрела на уставшую женщину в зеркале и задавала себе вопрос: почему? Почему всё сложилось именно так, а не иначе? Она искала, где же она допустила ошибку – и не находила. Она задавала себе вопрос, где она просчиталась, где оступилась – и не знала, что ответить самой себе. И хотя на её первенство в театре официально еще никто не покушался, она по-прежнему была примой, но юные Джульетты и Офелии уже наступали на пятки. А из зеркала смотрела на мир уставшая женщина… И этот вопрос, на который она не могла или не хотела искать ответа: почему?…

Несколько дней Нора выходила на сцену и работала только на мастерстве. Не было души, не было вдохновения, не было азарта – был просто труд, за который она получала зарплату, чтобы прокормить себя. Она начала молиться и уже подумывала уйти в монастырь. И вдруг после спектакля, когда она снимала грим с лица, вошел интеллигентный мужчина с большим букетом. Такие часто приходили к ней, и она заранее знала, что они будут говорить и как себя вести. Нора никогда не относилась серьезно к таким посетителям и, бывало,

благосклонно приняв цветы и выслушав комплименты, выпроваживала их без церемоний. А в этот раз она терпеливо слушала его восхищения в свой адрес, его рассказ о том, что он посещает все спектакли с её участием, и вдруг… «Я хочу предложить вам руку и сердце. Будьте моей женой».

Нора подняла глаза в зеркало, словно советуясь с уставшей женщиной, некоторое время смотрела на нее безотрывно и ответила: «Да. Я согласна стать вашей женой». Вот так просто, без кокетства и жеманства, без приличествующего в таких случаях: «Я подумаю». Или хотя бы: «А как вас зовут?»

Так Нора из провинциальной актрисы превратилась в леди Норфолк. Но счастливой себя не почувствовала. Очень скоро после свадьбы Джек Норфолк стал отдаляться от неё. Да что там говорить – он просто потерял к ней интерес. Он понял, что тот образ, который создавала Нора на сцене – всего лишь миф, такой женщины не существует, есть Нора со своими взглядами на жизнь, со своими привычками, капризами, и это была совсем чужая, неизвестная для него женщина. А влюбился он в образ, придуманный, нереальный, сыгранный Норой.

Джек вернулся к своей прежней жизни, в которой не было Норы. А она страдала, не зная, как привлечь его к себе. На сцене всё так просто: там всё предопределено автором, стоит посмотреть в текст – и ты уже знаешь, что сказать партнеру и знаешь, что он тебе ответит. Можно заглянуть в конец пьесы – и опять же всё станет известно. В театре проще, там все разложено по полочкам, там нет проблем с партнером. Диалоги, монологи – все написано, а в жизни попробуй-ка сам до всего додуматься. Что и кому сказать, а чего ни при каких обстоятельствах не говорить, что делать, чего не делать… Но теперь у Норы будет козырь в руках – сын. Джек Норфолк безумно хотел сына. Ему даже в голову не приходило, что может родиться совсем не сын, а Нора боялась ему об этом напомнить. Все разговоры в семье были только о мальчике, словно кроме мальчиков вовсе никто не рождается. Джек настолько вдохновенно ждал сына, что заразил этим Нору. Она знала, что дочь не только не сблизит их, но отдалит ещё больше и, наверное, навсегда. И вот, наконец, девять месяцев ожидания позади, время тревог и волнений кончилось. Совсем скоро она возьмёт на руки сына, а Джек непременно придёт её поцеловать и тогда они станут настоящей, полноценной семьёй. У Джека не будет оснований избегать её, ведь она и мать, и нянька, и кормилица его сына…

– Леди Норфолк, я уже вижу головку ребенка. – Это врач Генри Уотсон. – Ещё несколько усилий с вашей стороны…

Да! Да! Нора сделает всё, чтобы приблизить миг прихода в этот мир своего сына… И вот уже ребёнок на руках Уотсона оповестил о своём появлении громким криком.

– Мой мальчик! – Нора сумела улыбнуться, хотя губы болели – несколько часов она кусала себе губы, чтобы не кричать от боли. – Мальчик мой, какой ты красивый! Дайте мне его! – она протянула руки к ребенку.

Доктор слегка замялся.

– Леди Норфолк, у вас девочка.

Казалось, Нора не услышала его.

– У вас дочь, леди Норфолк, – повторил Генри Уотсон.

Нора не верила своим ушам. Дочь?! Значит, не будет примирения с мужем? Значит, конец всем ожиданиям, всем надеждам, которые она лелеяла девять месяцев? Дочь?! Что скажет Джек, когда узнает? Это конец, конец всему. Их семья не будет счастливой, будет три несчастных человека. Дочь?!

– Возьмите её на руки, – доктор поднес новорождённую к матери.

– Нет! Уберите её от меня! Я не хочу её видеть!

– Леди Норфолк…

– Прочь! Прочь! – Нора швыряла подушки, со звоном падали медицинские инструменты, разбивались пузырьки с лекарствами. – Унесите её отсюда, я не хочу её видеть. Она мне не нужна. Несите её куда хотите, я её не возьму!

Доктору пришлось с ребенком ретироваться в другую комнату. Девочку спеленали, и Уотсон уже хотел было нести отцу отвергнутую матерью малышку, но посмотрел ей в глаза и что-то его остановило. Он решил не спешить, а прежде осмотреть новорожденную.

Лорд Норфолк пришел сам.

– Мне послышался шум, – начал он.

– У леди Норфолк был нервный припадок. Ей уже дали успокоительное, – Уотсон знал, что Джек Норфолк тоже ждал сына. – У вас родилась дочь. Леди Норфолк отказывается брать её на руки.

Доктор Уотсон перевёл дыхание, боясь поднять глаза на собеседника:

– Девочка родилась слепой…

Глава 1

Энрике с восторгом смотрел на свой новый «Мерседес». Он подумал о том, что если кто-то видит его сейчас со стороны, то, наверное, тоже любуется его новеньким четырёхколёсным чудом. А сам он, Энрике, замечательно смотрится вместе со своей машиной. Поэтому он не спешил, ходил вокруг машины, то стекло протрёт, то колесо проверит, то внутрь заглянет, будто ищет что-то. Ему хотелось, чтобы все смотрели на него и его авто.

Но, пожалуй, хватит. Пора ехать. Путь неблизкий, время терять не стоит. Энрике захлопнул дверцу и тронулся с места. «Мерседес» шёл легко, слушаясь руки хозяина. Энрике улыбнулся сам себе в зеркало, довольный покупкой. Этот «шестисотый» «Мерседес» будет украшением его гаража. Как модница подбирает туфли под цвет сумочки, так Энрике покупал машины на разные случаи жизни. У него уже были белый «Роллс-ройс», красный «Шевроле», «Вольво» цвета мокрого асфальта и вот, наконец, чёрный «Мерседес». Все классические цвета. Надо бы ещё цвета кофе с молоком, он видел такой автомобиль в Лондоне, и ему понравилось. Пожалуй, это будет «Тойота». Но это в будущем, а пока в его руках новая игрушка – «Мерседес». Нм нём он будет наносить визиты. Деловые поездки – «Вольво». «Роллс-ройс» – это для амурных дел. Пикники и путешествия – на «Шевроле». И разве кто-то упрекнёт его в расточительности, разве много у него автомобилей – ведь ни один не останется без дела.

Хорошо всё-таки ехать по трассе с ветерком! Энрике усмехнулся – он вспомнил своего покойного отца, который требовал, чтобы в родовое поместье они въезжали в экипаже. Традиции, видите ли. Двадцать поколений предков ездили в конном экипаже, а значит, и в XXI веке Норфолки должны ездить домой только в экипаже. Энрике представил, как бы он сейчас тащился на кляче среди потока машин и чуть не рассмеялся. Ох, уж эти англичане с их любовью к традициям! Эта фраза «ох, уж эти англичане» прочно укоренилась в сознании Энрике, и он повторял её всякий раз, к месту и не к месту, но всегда вкладывая в одно это предложение всё то, что копилось в нём годами – раздражение, боль, горечь. Странно было слышать такое от англичанина. Но дело в том, что Энрике был англичанином лишь наполовину. Вторая его половина была испанской.

Энрике с неудовольствием глянул на себя в зеркало. «Опять я начинаю копаться в старых, давно ушедших днях моей жизни!» Он даже встряхнул головой, но они не уходили, его воспоминания. Его прошлое упорно преследовало его, ходило за ним, становясь настоящим и грозя стать будущим – будущей паранойей. Он хотел, но не мог избавиться от воспоминаний, они неизменно шагали в ногу с ним, заставляя снова и снова переживать то, что давно следовало бы забыть. А он не мог забыть, потому что считал, что в детстве сломали, разрушили его личность, и теперь он просто слабый, раздавленный обстоятельствами человек, у которого нет своего «я». И в этом виноваты его чопорные, надменные английские родственники.

…Энрике был сыном английского лорда Чарльза Норфолка от его второго брака с испанкой Марией Лурдес. Мать умерла, когда ему едва сравнялось полтора года, и мальчик рос с отцом и старшим братом Джеком. Джек был стопроцентным англичанином, потому что его матерью была англичанка, тоже, кстати, рано ушедшая из жизни. К тому же, у братьев была большая разница в возрасте – 18 лет. Пропасть, лежащая между ними, была огромна.

Энрике рос удивительно живым, любознательным, непоседливым мальчиком. Он не вписывался ни в какие рамки строгого английского воспитания. Для него не существовало никаких запретов. Если ему говорили «нельзя», то это лишь ещё больше подстёгивало его. Ему непременно нужно было обследовать внутренности всех чердаков, подвалов и сараев, особенно его привлекала одна всеми забытая ржавая дверь, покрытая паутиной, ключ от

которой был потерян много лет назад. И напрасно бонны, няньки и гувернантки пытались убедить Энрике в том, что там, кроме крысиных нор, ничего нет. Он упорно пытался попасть туда, даже если при этом калечил пальцы и ломал ногти. Все его воспитательницы жаловались отцу, что Энрике неуправляем, что он не понимает обычных человеческих слов, что к этому ребёнку невозможно найти подход. И Энрике день за днём утверждал за собой такую репутацию. Например, как-то за обедом, когда объявили, что подан черепаховый суп, тут же забрался на стол и залез двумя руками в супницу – хотел поймать там черепашек. После того как его обожжённым рукам была оказана медицинская помощь и он отбыл наказание, то снова взялся за ловлю черепашек – он любил всё доводить до конца. На этот раз супница из столового сервиза, хранящаяся у Норфолков со времён королевы Виктории, превратилась во множество осколков.

Гувернантки не задерживались в доме Норфолков более полугода. И даже не потому, что их питомец не поддавался воспитанию, а потому, что он, озорничая, постоянно рисковал своей жизнью. Он запросто залезал на дерево, на крону, раскачивался на самой верхушке, доводя до прединфарктного состояния молоденькую няню, безуспешно пытающуюся уговорить его слезть не землю. А ещё он любил делать маленькие шарики из бумаги и засовывать их в розетку, а потом ножницами выковыривать их оттуда. Все взрослые, которые когда-либо находились возле Энрике рано или поздно начинали понимать, что этого ребёнка невозможно переубедить наказанием, запретом или, наоборот, поощрением. Он всегда делал то, что хотел и любое наказание или запрет могли лишь отсрочить задуманное, но не заставить отказаться от него вовсе. При этом он не понимал, за что его наказывают. Ему интересно было разобрать телевизор, чтобы увидеть человечков, которые появляются на экране, а когда получал нагоняй, то искренне удивлялся, почему взрослым неинтересно заглянуть внутрь телевизора и поймать там человечков. А уж тем более не понимал, за что его наказали – что плохого в том, что он хотел подружиться с телевизионными человечками?

Время шло. Наказания, упрёки, нехорошие эпитеты, которыми награждали Энрике, превращали его из шаловливого непоседы в оскаленного волчонка, постоянно глядящего исподлобья. Мало-помалу он и сам стал верить, что он исчадие ада, порождение злых сил, наказание семьи Норфолков, неизвестно зачем появившееся на свет. По отношению окружающих Энрике понимал, что он всем создаёт слишком много проблем и было бы несравненно лучше, если бы его, Энрике, вовсе не было. Он стал думать о смерти – это сразу бы решило все проблемы. Он уже не был ребёнком, он был в отроческих годах, и уже не делал что-либо импульсивно, он тщательно обдумывал все детали… И постоянное самокопание: почему он не такой, как все? Почему все другие дети любимы в семьях, с ними считаются, ими дорожат, а он, словно бельмо на глазу в своём доме: всем он мешает, всех раздражает, всё делает неправильно. И отец всегда недоволен им, сын никогда не слышал от него похвалы, а только упрёки и длинные нотации. Кем был отец для Энрике? Когда-то мальчик обожал его. Сэр Чарльз Норфолк редко бывал дома, в родовом замке, он постоянно находился в Лондоне, где заседал в Верхней палате парламента. Он был лордом, причём наследственным лордом, пэром, и очень гордился этим. Ведь он не из тех выскочек, которые после Акта 1958 года получают право по назначению монарха носить пожизненно этот титул, но без передачи его по наследству. И не из тех, которые после реформы 1963 года добровольно слагают с себя титул лорда, пренебрегая таким образом честью своих предков, когда-то заслугами и доблестью завоевавших этот титул и право вершить судьбу народа Великобритании. Таких «отказников» сэр Чарльз Норфолк просто презирал. Так же, как и не понимал присутствия в парламенте духовных пэров. Он считал, что епископы и архиепископы должны заниматься своим делом, весьма далёким от законотворчества. И только такие, как он, чьи деды и прадеды заседали в этих стенах в париках и мантиях, – только они могут считаться полнокровными лордами Великобритании.

Сэр Чарльз Норфолк был весьма и весьма занятым человеком. Ему не хватало времени на личную жизнь, которой у него и было по этой причине, но он имел двух сыновей.

Старший сын Джек никогда не доставлял ему никаких хлопот. С Джеком у сэра Чарльза не было никаких проблем или непонимания. Младший же, Энрике, – сущий чертёнок. Всякий раз, когда после долгого отсутствия лорд возвращался домой, чтобы провести выходные с семьёй, ему тут же докладывали обо всех проделках Энрике, о том, что он успел натворить. И поэтому, когда мальчик с радостью бежал к отцу, тот не только не принимал его в свои объятия, но тут же охлаждал его пыл строгим, назидательным тоном. В результате Энрике видел своего отца только раздражённым, только источающим гнев. Он уже не бежал навстречу отцу, а наоборот, старался где-нибудь укрыться, чтобы избежать отцовских нравоучений. Между ними образовалась дистанция, преодолеть которую никто не делал попытки – обоих она устраивала. Так и жили отец и сын год за годом – не пытаясь понять, заглянуть другому в душу, но держась на расстоянии друг от друга.

Джек, старший брат, серьёзный юноша, всегда уравновешенный, без всплесков эмоций, был любимцем отца и полной противоположностью Энрике. Все лучшие надежды лорд Норфолк связывал с Джеком. Когда пришла пора решать вопрос о будущей профессии, сэр Чарльз сказал своему первенцу:

– Придёт время, когда ты станешь заседать в Верхней палате парламента, ты будешь творить законы. А это значит, что ты должен изучать юриспруденцию.

Джек не спорил, хотя не лежала у него душа к нудным параграфам. Но он знал: так надо. Надо семье, надо Великобритании. В том его предназначение, чтобы продолжить семейное дело во имя Великобритании. И, не колеблясь, он последовал совету (или приказу?) отца. Но кроме предназначения у него было ещё призвание. Призванием этим была наука под названием «химия». Отец крайне не одобрял занятий химией, и потому Джек занимался опытами тайком от него. Лабораторию он устроил себе в замке, потому что отец редко там появлялся, живя постоянно в столице. В замке он нашёл старый подвал, куда вообще никто не спускался. Там хранились реактивы и проводились опыты. Всё бы хорошо, да только маленький братишка пронюхал об этой «подпольной» лаборатории и всё норовил туда заскочить. Это было опасно вдвойне: во-первых, маленькие ручонки Энрике никогда не оставались без дела и лезли везде, в том числе и к самым опасным кислотам и щелочам. Во-вторых, Джек боялся, чтобы Энрике не поставил в известность отца о его химических опытах. А потому он пресекал всякие попытки младшего брата проникнуть в его лабораторию. Тот, в свою очередь, делал всё, чтобы туда попасть. Джек очень скоро убедился, что ни уговоры, ни запреты, ни шлепки не действуют. Один раз он буквально выволок за шкирку младшего брата, а тот отбивался ногами, кусался, а потом долго и громко ревел под дверью. После такой отвратительной сцены Джек понял, что второй раз это не должно повториться. Когда Энрике вновь попытался проникнуть в лабораторию, Джек сунул в карман его курточки хрустящую денежную банкноту. С тех пор он поступал так каждый раз. Едва завидя мальчонку, он тут же лез в карман за откупом. Отныне отношения между братьями определялись количеством фунтов стерлингов. При этом Джек был возмущён тем, что вынужден был откупаться от мальчишки, а Энрике лишь растерянно теребил полученные бумажки, не понимая, зачем старший брат даёт ему их. Ведь его гораздо больше интересовали пузатые колбы, изящные пробирки, разноцветные шипящие, бурлящие жидкости, а в особенности, когда их смешать вместе – они так здорово меняют цвет и булькают!

Ему хотелось потрогать всё своими руками, самому попробовать слить в одну колбу много разных цветных водичек.

Один раз ему это удалось. Каким-то образом дверь подвала оказалась незапертой. Энрике осторожно вошёл, боясь, что Джек прогонит его. Но Джека в лаборатории не было. И тогда Энрике стал судорожно собирать с полок колбы с жидкостями. (Скорее, скорее, пока не

пришёл брат). Он переливал их в одну большую колбу, которая, словно специально, стояла на столе. Одна пробирка с надписью «H2SO4» выскользнула у него из рук и разбилась вдребезги, разлетевшись осколками и брызгами во все стороны. И тут же Энрике увидел, что на его одежде появились дырочки. Он видел, что брызги попали на его курточку и штанишки, но как-то сразу не понял, что именно эти капельки разъели ткань. Он доставал с верхней полки оставшиеся колбы и, не удержавшись на баррикаде из стульев, упал, зацепив стеклянные ёмкости, они тоже упали, разбились, что-то разлилось по полу. Энрике испугался, он понял, что дело приняло нешуточный оборот. Он представил, как ему придётся объясняться с Джеком – и сразу почему-то стало нехорошо на душе. Он решил поставить всё на место, но руки почему-то плохо его слушались, всё роняли, опять всё падало, билось, растекалось. Уже были залиты все бумаги Джека. И тут произошло самое страшное: появился огонь. Он быстро распространялся, охватывая всё вокруг. Энрике смертельно испугался, но выйти из комнаты уже не мог – путь ему преграждало пламя. К тому же, помимо запаха гари в воздухе стоял едкий запах разлитой химии. От него болела голова и каждый вдох словно ударял молотом по голове и разрывал лёгкие. Энрике громко плакал и кричал, но никто его не слышал. Последнее, что он видел – стена огня перед глазами…

Когда он очнулся, то не мог понять, почему ему так плохо. Постепенно воспоминания вернули его к произошедшему в подвале по его вине пожару. Энрике подумал, что ему сейчас лучше умереть, нежели выдержать разговор с братом. Но умереть ему не удалось, потому что предпосылок к этому не было. Провидение уберегло его от ожогов при пожаре, а отравление парами кислот хоть и было тяжёлым, но всё же здоровый организм быстро преодолел его. Энрике боялся увидеть Джека, боялся его взгляда и голоса, но, как оказалось, опасения были преждевременными. Джек вовсе не собирался говорить с ним. Ни на эту тему, ни на какую другую. Он перестал замечать младшего брата. Он не видел его даже тогда, когда тот стоял перед ним. Словно Энрике вообще не существовало или он находился в каком-то другом измерении, невидимом человеческому глазу. Так на долгие годы братья оказались в разных измерениях.

…В один из сумеречных ноябрьских дней лорд Норфолк приехал не один. С ним был гость. Энрике опять успел что-то натворить, теперь уж и не вспомнить, что именно, но тогда это было что-то из ряда вон выходящее, если отец позволил себе отчитать сына перед гостем. Это было неслыханно: допустить вытряхивание семейного грязного белья при постороннем человеке, но гнев отца был так велик, что он просто не смог держать его в себе. Он сурово отчитал Энрике, а потом, поняв, что не стоило этого делать в присутствии коллеги, добавил уже для этого господина, словно в оправдание:

– Мой сын так часто огорчает всех нас, что я уже и не знаю, какими методами укрощать его нрав.

Гость отложил газету:

– Помилуйте, Норфолк, но ведь мальчик – испанец! В нём ключом бьёт горячая южная кровь. И вовсе не надо пытаться укротить южный темперамент! Бороться с ним бесполезно, надо просто научиться сосуществованию холодного британского нрава и безудержно горячего испанского. Не подавление одного другим, а дипломатия, – гость многозначительно поднял вверх указательный палец.

Словно волшебным светом озарился сумрак наступающего вечера в кабинете Норфолка. В этот миг Энрике понял, что все унижения, которые он пережил, и все эпитеты, которыми его награждали, вовсе не были им заслужены – это результат полнейшей педагогической и психологической несостоятельности Норфолков. Они не принимали его таким, каков он есть – они пытались его переделать на свой лад, пытались измерять его поступки своей меркой, хотели сотворить из него личность по своему английскому стандарту. Но он уже был создан по другому стандарту – испанскому. Они не понимали, что он уже создан,

что переделать ничего нельзя – и вновь и вновь упорно ломали его и подстраивали под свой стандарт. Почему-то Энрике представил такую картину: отец и брат пытаются засунуть его в коробку, едва он успевает высунуть голову из неё, как тут же его с двух сторон сразу запихивают назад. Именно так его «вписывали» в рамки классического британского воспитания. Из него хотели сделать безупречного английского джентльмена. Но не мог мальчик, рождённый испанкой, быть холодным, надменным и чопорным. Слишком много было в нём внутренней энергии, которую он выплёскивал направо и налево – за это его обвиняли в дурных манерах. А ведь можно было не ломать, не разрушать личность, просто сделать поправку на испанское происхождение. Но нет, оказалось, что Норфолкам легче растоптать достоинство маленького Энрике и заставить его поступать по принципу «надо так», чем принять его таким, каков он есть, но заслужить при этом неодобрение стаи (то бишь британского высшего общества).

В этот миг Энрике понял, что до последней своей клеточки он – испанец. И понял, что должен искать своих родственников, среди которых он уж точно не будет белой вороной. Он не помнил своей матери, но когда впервые увидел Кармен на сцене, ослепительную, зажигательную то понял, что его мать была именно такой: красивой, ослепительной и зажигательной.

И пришёл тот день, когда Энрике ступил на землю Испании. Он нашёл своих родичей – в Мадриде, Барселоне, Сарагосе. Их было много – дяди, тёти, кузены, кузины. Главой династии был дед – отец матери Энрике. Он был владельцем судоходной компании, крупным судопроизводителем, имел контрольный пакет акций в сталелитейном производстве, получал дивиденды в почтовой и страховой компаниях и даже контролировал телеканал. Он был магнатом. А начинал его отец, прадед Энрике, с пасеки, с нескольких ульев…

Энрике был сердечно встречен родственниками. Конечно же, сын английского лорда был принят в высшем обществе, его наперебой приглашали в лучшие дома. Он чувствовал неподдельный интерес к своей персоне, поэтому с головой окунулся в светскую жизнь. Мало-помалу он заметил, что внимание к нему остывает. Женщины уходили с другими. Как-то одна подвыпившая девица разоткровенничалась:

– Вы, Энрике, такой холодный, настоящий англичанин. Вы всё делаете ровно на столько, на сколько позволяют приличия. А мы – на столько, на сколько хватает души. Если смеёмся – то хохочем взахлёб, если любим – то страстно, до гробовой доски, до кинжала в сердце. Вы, английские джентльмены, этого не умеете. Вам этого не дано. У нас – широта души, у вас – узость рамок приличия.

Энрике был озадачен. Почему его воспринимают как англичанина? Неужели он действительно холоден и строг? Ведь он старался быть испанцем в Испании, старался стряхнуть с себя всё английское, но, тем не менее, здесь его видели англичанином. Тогда как в Англии он считался испанцем. Так кто же он? Где та пристань, в которой он сможет считаться своим? До каких пор ему быть чужаком в родной стае?

Точку в двухлетней испанской эпопее Энрике поставила смерть деда. Дед оставил после себя огромное состояние: недвижимость, ценные бумаги, астрономические счета в банках Европы и Америки и многое другое. Всё это он оставил своим многочисленным наследникам, справедливо разделив наследство между детьми и внуками. Каждый получил свою долю. Все, кроме Энрике. Ему дед оставил конверт с письмом. Вот что Энрике прочитал в нём: «Дорогой Энрике! Надеюсь, ты не обиделся на то, что я обошёл тебя в своём завещании. Я это сделал потому, что ты не нуждаешься в моих деньгах. У тебя достаточно обеспеченный отец, у которого вас только двое наследников – ты и твой брат, поэтому там ты получишь гораздо более солидный куш, нежели тебе мог выделить я, ведь у меня 14 наследников кроме тебя. Хотя я прекрасно понимаю, что ты ради этого и приехал в Испанию и воссоединился со своими родственниками – чтобы приумножить наследство. Ты хочешь

получить средства и от отца и от меня, тогда как мои дети получат их только от меня. Им более не от кого ждать милости. Поэтому всё, что я заработал за свою жизнь, я оставлю им, ты же обращайся к своему отцу – пусть о твоём будущем заботится он.

Кроме того, хочу обратить твоё внимание ещё на одно обстоятельство, о котором такие, как ты, вряд ли когда-либо задумываются. Ты рождён в золотой колыбели – в блестящей аристократической семье, чьё богатство приумножалось веками. У тебя всегда было всё: питание, одежда, образование, крыша над головой в конце-концов – и всё только самое лучшее. Ты имел всё и не думал, откуда оно берётся. Всё это было изначально. Ты всё принимал как должное и потому придумывал себе другие проблемы. Если бы ты голодал, то думал бы не о конфликте с семьёй, а о том, как достать кусок хлеба. Ты обвинял отца в том, что он не понимает тебя, унижает твоё достоинство, но при этом ты совершенно не ценил того, что он обеспечил тебя всем. Ты не ставил это ему в заслугу, ты принимал это как должное. А вот мой отец получил в наследство от своего отца лишь несколько ульев да полуразваленную хижину. И я рос в этой хижине; сквозь щели я мог наблюдать за пасекой. Именно с этого началась та империя, которой я теперь владею. А для того, чтобы её создать, потребовался колоссальный труд, без сна и отдыха, без выходных и отпусков. Я знаю, что такое ложиться спать в 2 часа ночи, а в 4 утра уже начинать новый рабочий день. Огромный, кропотливый, каждодневный, ежечасный, ежеминутный труд – и так в течение многих лет. Вы, аристократы, не знаете, что это такое. Вы гордитесь своей голубой кровью, называете нас нуворишами и презираете нас. Забывая при этом, что у нас были разные стартовые возможности. Я родился в бедности, даже в нищете, твой отец – в роскоши. Он, если и приумножил состояние, то незначительно, я же вырос до небывалых высот. И, тем не менее, многие двери для меня закрыты, напыщенные аристократы не прощают мне моего низкого происхождения. И ты, сын аристократа, высшего сословия, явился ко мне, снизошёл до меня, чтобы получить часть моего потом и слезами нажитого состояния? Ты забываешь о том, что у меня есть четверо детей, которые всегда были рядом со мной, делили со мной мои неудачи и мои достижения. Вместе с ними я поднимался по ступеням успеха, вместе с ними, случалось, падал и вместе с ними вставал. Они были рядом, они поддерживали меня и давали силы для борьбы. Поэтому всё своё имущество я оставляю им, своим четырём детям, а также и моим внукам, которые тоже росли у меня на глазах, и все они продолжают теперь моё дело. У меня была ещё одна дочь – Мария, твоя мать. Она была самой кроткой и послушной из моих детей, однако проявила удивительную стойкость, когда собралась замуж за твоего отца. Ведь я был против этого брака. Я пригрозил лишить её наследства, если она поступит по-своему. И тогда она бросила мне в лицо, что никогда ни она, ни её дети не будут просить милостыню у меня. На том и расстались. Она рано умерла – исходя из этого, я думаю, что она не была счастлива. Вот и ты мечешься, не можешь найти своё место. Значит, я был прав: этот брак был обречён изначально. Он не принёс счастья никому. Опять же напоминаю слова твоей матери, что её дети не будут просить милостыню у меня. Фактически она от твоего имени отказалась от наследства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.